

УДК 930.2:94(430)“1933 / 1945”

**СОВРЕМЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ**

Л. Н. Корнева

MODERN GERMAN HISTORIOGRAPHY OF SOCIO-ECONOMIC POLICIES OF NAZI GERMANY

L. N. Korneva

Статья посвящена анализу оценок немецкими историками экономической и социальной политики в период нацистской Германии. Прослеживается эволюция взглядов учёных на экономику и социальные отношения в условиях тоталитарного режима. Отмечается усиление в историографии оценок связи экономического и социального развития с политическими целями гитлеровской власти. Выявляется историографическая тенденция к поискам исторического континуитета экономической и социальной политики, важная для понимания становления социального государства в Германии XX века.

The paper is devoted to analysing German historians' evaluations of economic and social policies in the period of Nazi Germany. The author traces the evolution of the scientists' views on the economy and social relations in the conditions of a totalitarian regime. Historiography provides more assessments of the link between economic and social development and the political objectives of Hitler's power. The historiographic trend towards finding the historical continuity of economic and social policies is identified, which is important for understanding the emergence of the welfare state in the twentieth-century Germany.

Ключевые слова: нацизм, экономическая политика, хозяйство, принудительный труд, оккупационная политика, крупный капитал, концерн.

Keywords: Nazism, economic policy, economy, forced labour, occupation policy, big business, concern.

Вопрос о сути экономической политики и занятости трудящихся в годы национал-социализма в Германии постоянно находится в центре внимания современных историков. Актуальность этого сюжета связана как с теоретическими вопросами эволюции социального государства в XX в., так и с конкретными его проявлениями в условиях тоталитарного общества.

Исследование социально-экономической политики нацистской Германии развивается в нескольких направлениях и затрагивает такие вопросы как модернизация нацистского хозяйства, участие государства в регулировании экономики, взаимоотношения крупного капитала и руководства нацистской Германии, использование трудовых ресурсов, в том числе – принудительного труда и т. п. Краеугольным камнем характеристики нацистского хозяйства в историографии является утверждение, что экономика Третьего рейха носила смешанные черты, при которых её нельзя однозначно считать плановой или рыночной. При этом часть историков больше подчёркивают хаотический, импровизационный характер экономической политики в нацистском государстве. Другая же часть исследователей выдвигает на первый план регулируемые, перспективно ориентированные аспекты ведения хозяйства, которые связаны со строгой иерархически управляемой структурой. Давая характеристику экономической политике нацистов, историки при этом оперируют такими понятиями как «автаркическая экономика», «военная экономика», «экономика большого пространства», а в отношении управления экономикой: «плановое хозяйство», «направляемая экономика», «командное хозяйство» [12, s. 174].

С точки зрения оценки эффективности экономической политики нацистов, то в историографии можно выделить несколько суждений. *Первое* выделяет «позитивные» черты экономической и социальной политики, приведшие к быстрой ликвидации эконо-

мического кризиса и рассасыванию безработицы, усовершенствованию промышленных отраслей. Указывается в этой связи на определённый континуитет «достижений» нацистского времени и быстрого экономического развития Западной Германии после войны в виде обученных работников и новых менеджеров промышленных предприятий.

Второе суждение решительно отрицает положительные аспекты экономической политики нацистов, в соответствии с которой нацисты действовали почти исключительно в своих политических интересах, не оглядываясь на соображения рациональности и экономической целесообразности. Главное для них было – осуществить свои военно-политические, расистские и империалистические цели. «Смешав командную экономику с грабительской и пропитав её запутанностью управленческих структур, нацистская Германия жила за счёт будущего и отяготила его» [12, s. 173].

В современном поколении историков набирает силу новая *точка зрения*, избегающая старой терминологии, признавая при этом тесную связь экономической политики национал-социалистов с основными идеологическими постулатами Гитлера.

Попыткой выработать новую системную модель экономики национал-социалистов, преодолеть «кризис старых понятий» отмечена монография Михаэля Проллиуса. Он считает, что к объективной оценке системы хозяйства в нацистском рейхе поможет приблизиться изучение механизмов нацистского регулирования экономики. По мнению автора, управление экономической системой национал-социалистов осуществлялось двумя путями: организационными мерами и политическими процессами «посредством неожиданно возникающих (и развивающихся) способов (auf emergente Weise), и с функциональной точки зрения нацистский режим проявил себя «государством в стадии становления» (Emergenz-Staat) [15, s. 10].

Проллиус анализирует не столько саму экономическую политику, сколько планирование и организационные структуры, и поэтому для книги характерен системный подход. Автор концентрирует своё внимание на внутренней организации экономической системы. Он довольно подробно разбирает функции и место различных (государственных, партийных и др.) структур в экономике и хозяйственной политике, а также рассматривает влияние отдельных личностей. Так, анализируется роль в организационной системе хозяйства старых и новых госструктур как министерство экономики (Шахт), «Ведомства по 4-летнему плану» (Геринг), «государства СС» (Гиммлер). Определяется значение в экономике массовых нацистских организаций: партии, Имперской трудовой повинности, «империи» Немецкого трудового фронта (Лей), «Имперского продовольственного сословия» (Дарре) и др. Проллиус присоединяется к утверждениям многих историков о том, что нацисты не проявляли особого желания и воли к оформлению плановой, управляемой экономической политики. Отмечается, что главным в этом процессе было влияние идеологических факторов: расизма, антисемитизма и империализма [15, s. 9]. Сам он склоняется к оценке организационной структуры нацистов как поликратической (т. е. исходящей из различных «центров власти»).

Автор приходит к выводу о недостаточности таких, например, оценок хозяйственной системы нацистов, как «широко управляемое со стороны государства частномонополистическое хозяйство» (Сватек), или «политическая система тотального монополистического хозяйства в капиталистическом смысле», или «командная экономика» (Нойманн), или «военное хозяйство» (Фолькманн). Проллиус считает, что из всех этих определений ближе к сути стоит последний термин, отмечая его следующими чертами: первая – поликратия, вторая – интервенционистские мероприятия и импровизации (т. к. нацисты часто вместо решения проблемы – отбрасывали её) и третья – примат постоянно нарастающего вооружения и милитаризации [15, s. 18].

В соответствующих главах автор подробно анализирует возникновение, становление и функции экономической системы, формирование нацистских подсистем в связи с подготовкой войны. Автор отмечает такие их черты, как ограничение конкуренции, нацистский интервенционизм, частично скрытую, частично открытую борьбу «подсистем» за влияние и свои интересы. В результате, по его мнению, «экономическая деятельность была организована посредством эмерджентной смеси рынка и приказа, методами преимущественно милитаристскими, неформальными, под влиянием партикулярных интересов центров власти» [15, s. 332]. Автор признаёт исторический континуитет экономической политики, но лишь в ограниченном размере.

Вывод автора такой: поскольку нацисты стремились к фундаментальной трансформации культуры общественной системы, то и хозяйство они стремились изменить в этом же направлении. Это воздействие, по его мнению, ещё недостаточно изучено, и при взгляде на экономическую систему с этой точки зрения организационная структура хозяйства может быть квалифицирована как внеэкономическая. «Речь идёт,

– пишет Проллиус, – о создании (в этой системе) культуры войны, которая в центр своей деятельности ставит формирование homo militaries и представляет собой разрыв с буржуазно-капиталистической системой» [15, s. 328]. Свою характеристику автор, таким образом, противопоставляет традиционной для 50 – 80-х гг. точке зрения – о том, что экономика Третьего рейха не создала ничего принципиально нового по сравнению с периодом Веймарской республики. Он синтезирует различные мотивы экономической эволюции при нацистском режиме, выдвигаемые некоторыми авторами как приоритетные, например, у Хербста – обустройство завоёванного пространства, у Фолькмана – военные мотивы, у Бурляйга – расовые [7].

Проллиус считает, что нацистами были произведены революционные изменения в форме организации хозяйства и созданы преимущественно идеологические институты. Под их влиянием существенно изменились право, труд, предпринимательская деятельность, роль регионов и т. д. «Модель хозяйства, – пишет он, – развивающаяся, а политические процессы – одновременно и координационный, и конфликтный принцип, где главную роль играют не экономические интересы, а партикулярные и политические. И культура войны провоцирует развитие подобных процессов» [15, s. 329].

Не соглашаясь с точкой зрения автора о «революционном» характере социально-экономических преобразований, поскольку они не выходят за рамки государственного регулирования капиталистических отношений, Проллиус, тем не менее, рисует достаточно убедительную картину структурных процессов в экономике национал-социалистов. Его работа является новым вкладом в их объяснение, одновременно давая новый импульс к исследованиям в этом направлении.

Оценка экономической политики нацистов в мирное время – быстрое рассасывание безработицы, помощь крестьянству, финансирование широкой социальной программы – всегда занимала историков и экономистов. Большинство из них признаёт тот факт, что в основе экономического подъёма лежала конъюнктура вооружений. До начала 1980-х гг. она трактовалась как удачная политика.

В последние годы наметился крен в сторону её более критической оценки. Она особенно противопоставляется утверждениям довоенных и некоторых послевоенных историков о «немецком экономическом чуде» гитлеровской Германии. К. Буххайм, в противовес В. Абельсхаузеру [24, s. 503] расценивает военное-экономическое развитие Германии больше как крушение, чем как «чудо». Он пишет, что «нацистскому режиму не удалось одновременно вооружаться и постоянно улучшать стандарт жизни большинства немцев» [6, s. 662]. Тем самым автор выступает против распространившегося в современной историографии термина «экономическое чудо» применительно к хозяйству Германии 1933 – 1939 гг.

Эти колебания в оценках историк Марк Шпёпер связывает с периодом оживления идей рыночного хозяйства в 80 – 90-е гг. XX в., когда стало видно стремление критиковать государственное регулирование хозяйства, в том числе и в период нацизма. Авторы особенный упор делают на том, что покупательная

способность населения даже в поздние 30-е гг. никогда не превышала уровня такого же периода 20-х гг.

Соглашаясь с этим очевидным фактом, Шпёрер делает замечание, что «недостаточно качественная продукция у части населения компенсировалась чувством обеспечения основных прав: безопасности, народной общности, национальной гордости» [19, s. 434]. Таким образом, подчёркиваются психологические мотивы экономического подъёма, важные для понимания привлечения народа на сторону нацистского режима.

Общую картину структуры и функционирования нацистского хозяйства дополняют конкретные исследования взаимоотношений между частным хозяйством и нацистским государством. Так, А. Гериг на примере предприятий машиностроения Вюттемберга, исследовала их поле деятельности в нацистской программе вооружений. Она определяет роль руководителя предприятия в рамках взаимодействия хозяйства и нацистской партии как носителя так называемой «индустриальной самоответственности». Автор с позиции континуитета прослеживает эту роль и сразу после окончания войны. Выводы Гериг соответствуют уже сложившимся в историографии мнениям о взаимоотношениях капитала и нацизма: несмотря на все встречающиеся конфликты между государством и хозяйственными субъектами, «предприниматели с готовностью исполняли свой «долг»... по повышению выработки продукции почти до самой капитуляции» [13, s. 248 – 249].

В последние десятилетия, в связи с интенсивным изучением войны и оккупационной политики на Востоке, историки стали уделять более пристальное внимание участию экономических служб нацистской Германии в разграблении оккупированных территорий. Так, например, работы Б. Розенкёттера и Ж. Дингель посвящены деятельности основанному в 1939 г. Герингом «Главного учреждения опеки «Ост» при ведомстве «4-х-летний план». Они показывают, как действовала эта служба в Польше, исходя из задачи «военно-экономической эксплуатации, экономико-политического «преобразования» и германизации» [16]. В процессе изгнания с насиженных мест населения, геттоизации еврейского населения принимали активное участие не только СД и СС, но и «Учреждение опеки «Ост». Они осуществляли между собой тесное сотрудничество и проявляли «взаимопонимание» в общих целях Германии на востоке Европы.

Авторы также анализируют деятельность отдельных персон из службы опеки «Ост», предприятий, фирм, приводят много финансовых документов в доказательство их участия в разграблении хозяйства Польши. «То, что «преобразование» должно было произойти за счёт польского населения, без сомнения, вытекало как из расово-идеологических мотивов, так и политики нацистов в целом по отношению к народонаселению», – пишет Дингель [8, s. 292]. Работы Розенкёттера и Дингель свидетельствуют не только о том, что владельцы фирм «выполняли приказы», но и о том, что они были «инициаторами» в осуществлении преступной политики нацистского режима.

Ещё один блок публикаций о временах национал-социализма – это освещение отдельных сторон социальной и экономической политики. Эти проблемы

также являются эхом «большой» и – в некоторой степени – ревизионистской историографии новейшего времени. В последнем случае речь идёт о признании историками движения общества при нацизме в сторону «социально-культурного, нивелирующего массового общества» (Н. Фрай), континуитета социальной и экономической политики, а также науки и частично – массовой культуры нацистской Германии.

Отмечается инновационный характер некоторых сторон этой политики, например, в статье Х. М. Мерки о начале кампании борьбы против курения [23, s. 19]. Признавая это, авторы статей, тем не менее, обращают внимание на ограниченность нововведений, их тесную связь с расовой программой нацистов, а также провал широко пропагандируемой нацистами жилищной политики [9, s. 226].

Принудительный труд иностранного гражданского населения, военнопленных, заключённых концентрационных лагерей и европейских евреев являлся важной составной частью экономической и идеологической политики нацистского государства. Эта тема является к настоящему времени одной из интенсивно исследуемых страниц нацистского режима в период Второй мировой войны. Современное исследование этой темы было во многом инициировано обобщающей работой 80-х гг. Ульриха Херберта [11]. В современных работах политика и практика принудительных работ освещается как динамический, обусловленный множественными факторами процесс [18]. Больше внимания стало уделяться изучению условий труда и быта отдельных групп принудительных рабочих, причём как на локальном, так и на региональном уровнях, а также вопросам использования принудительного труда крупными предприятиями и концернами. Особый интерес учёные проявляют к положению определённых национальных групп и категорий рабочих, к местам использования принудительного труда с их, очень различными условиями жизни и заработной платой. Как важнейшие критерии дифференциации в этой области выдвигаются: питание, условия лагерной жизни, практика подавления и преследования [1, с. 166 – 169, 200].

Второе направление интереса историков сосредоточено на вопросе ответственности, прежде всего, предпринимательских кругов за использование системы принудительных работ. Не в последнюю очередь этот интерес был связан с дискуссиями в немецком обществе 90-х гг. о материальных компенсациях за принудительный труд так называемым «восточным рабочим». В рамках этих споров развернулись дебаты по проблемам экономической эффективности принудительного труда [20, s. 61 – 95], а также возможностей маневрирования и объёма полномочий предпринимателей в этой области [21, s. 1 – 55]. Новейшие исследования указывают при этом на главную ответственность самого нацистского государства за использование и плохие условия принудительного труда. В то же время, историки подчёркивают, что и сами предприниматели оказывали существенное влияние на процесс организации принудительных работ [18, s. 233].

Напротив, вопрос вовлечения иностранных и принудительных рабочих в процесс производства до сих пор привлекал мало внимания. В более ранних исследованиях довольно жёстко утверждалось, что,

прежде всего лагерь, а не предприятие было местом, где определялось реальное социальное положение иностранных и принудительных рабочих. В современных исследованиях предприятие рассматривается не только в контексте выводов о функциональности принудительных работ в капиталистическом производстве, но и учитываются другие факторы. Так, например, ситуация на отдельных предприятиях значительно влияла на формы и организацию проводимых работ, на условия труда и жизни принудительных рабочих, и производство – с этой точки зрения – играло более значительную роль, чем лагерь.

Примером такого исследования является работа Г.-Х. Зайделя об использовании принудительного труда русских военнопленных на горнорудных предприятиях Рурской области. Он пишет, что «русская лава (забой)» без сомнения показала себя эффективнейшей формой производственной организации принудительных работ под землёй» [17, s. 36]. Но это было достигнуто не столько за счёт эффективности и рационализации работ, сколько за счёт широкой, экстенсивной эксплуатации рабочей силы. При этом условия работы для немецких шахтёров, несмотря на войну, практически оставались теми же, что и в довоенное время. Это лишний раз подтверждает тезис, что более или менее сносные условия жизни немцев во время войны обеспечивались использованием принудительного труда.

Историк Петер Хайес, который продолжительное время занимался исследованием концерна «ИГ Фарбениндустри», написал работу, посвящённую истории акционерного общества «Немецкое золото и серебро», известного тогда под названием «Дегусса». Работа освещает проблемы сотрудничества этого предприятия с нацистским режимом, границ предпринимательской деятельности, вопросы прибылей и недостатков от этого сотрудничества. Автор исходит из тезиса о подчинении предприятия экономической политике нацистов, но при этом отмечает её выгоды (по крайней мере, до войны) для прибылей «Дегуссы». Экономическую систему Третьего рейха автор оценивает как развивавшуюся в направлении государственно-управляемой экономики, где важную роль играли «политические цели режима и оказывала большое влияние политическая информация» [10, s. 186]. Специальные главы своей книги Хайес отводит вопросам участия предприятия в «аризации», автаркии, вооружении, организации принудительных работ и в политике уничтожения – тем вопросам, которые вызывают, как он пишет, «особенно критические суждения» [10, s. 11].

Основными видами поведения руководства предприятия стали приспособление, участие в политике нацистов и пропаганда целей режима. Автор приводит факты коррупции в ходе «аризации» еврейской собственности. Последняя явилась одним из важных факторов экономического подъёма «Дегуссы» [10, s. 123]. «Свидетельством морального падения являлось и то, что „Дегусса“, как ни одно из других подобных предприятий, активно участвовало в переплавке золота и серебра ограбленных евреев Европы, обеспечив режиму дополнительную сумму почти в миллион рейхсмарок», – пишет автор [10, s. 197].

«Дегусса» занималась также производством инсектицидов и химических препаратов, которые заку-

пались вермахтом для дегазации униформы и других нужд. Инсектициды поставлялись и для СС. Автор указывает, что почти 1 % от них был использован для умерщвления евреев, но при этом даёт понять, что денег от этого предприятие не имело, отделяя, таким образом, деятельность предприятия от преступных деяний СС. Такая позиция характерна для большинства историков, занимающихся вопросами взаимоотношений крупного капитала и нацистского режима.

Предприятие также активно участвовало в разграблении европейской экономики и в организации принудительных работ. В последнем вопросе Хайес придерживается точки зрения, что здесь не играли роли экономические соображения. Надо было возместить нехватку рабочих рук, и она возмещалась принудительным трудом иностранных рабочих и военнопленных.

Вопросам связи между расовой идеей нацистов и завоеванием «жизненного пространства» посвящена обобщающая работа историка Уве Мая. Он показывает, что существовала специальная служба, которая увязывала аграрную и социальную политику с планированием «пространства» в Третьем рейхе». Автор считает, что в действиях нацистов в этой области произошёл разрыв с предыдущей политикой. Как доказывает автор, поселенческая политика Вильгельмовской Германии XIX века была связана с обеспечением границ государства, в то время как нацистов обуревали социал-дарвинистские идеи о крестьянстве как носителе «расового обновления» всего немецкого народа. Автор анализирует этот факт, прежде всего на взглядах Даррэ – нацистского «фюрера» крестьян [14, s. 44 – 46]. С началом войны его влияние падает и переходит к Гиммлеру, который, в отличие от Даррэ, главную ставку делал не на аграрную политику в землях «старого рейха», а разрабатывал поселенческие планы в «восточном пространстве».

Следует отметить, что особенностью работ по аграрной политике нацистов является активное изучение использования принудительного труда в сельском хозяйстве не только с точки зрения его «эффективности» и рабского положения насильственно привлечённых людей, но и с точки зрения взаимоотношений немецких крестьян с этими людьми. И это оправдано, так как нигде немецкое население так близко и напрямую не соприкасалось с иностранцами, как в сельском хозяйстве. В целом, авторы характеризуют его как неприязненное.

Оценивая аграрную политику вообще, Май отмечает, что нацисты считали своей программной целью создание в стране нового крестьянского сословия – наследников крестьянского двора. Этим объясняется появление соответствующего закона. Даррэ, как нацистский «фюрер» крестьян, считал, что колонизация на Востоке крестьянскими детьми, не имеющими в Германии земли, составит противовес силе остальбских помещиков.

Несмотря на массивное вмешательство государства в регулирование земельной собственности и цен на продовольствие, финансовые вливания в сельское хозяйство, Май, как и другие авторы, оценивают аграрную политику нацистов как неудачную. Число новых созданных крестьянских хозяйств не превысило число созданных в годы демократической Веймарской республики. Доходы крестьян в абсолютном вы-

ражении увеличились, но были далеко позади прироста в индустрии и торговле. Нацистская политика не смогла противостоять утечке рабочих рук из деревни. Учреждения «продовольственного сословия» давали цифру в 650 тысяч человек, покинувших деревню и переселившихся в город [14, s. 383].

Что касается политики нацистов в отношении городского населения, то немецкие авторы оценивают её как прагматическую. В связи с быстрым развитием индустрии и потребностями военной экономики они отмечают ускорение процесса урбанизации страны. Наблюдался прирост городского населения в средних и больших городах, городских метрополиях [9, s. 226]. Возведение индустриальных гигантов привело к основанию новых городов, например: Зальцгиттер («город концерна «Герман Геринг») или Вольфсбург («город автомобилей для отдыха и туризма» – Фольксваген). Барбиан отмечает поворот многих нацистских руководителей регионального уровня к идее развития культурного влияния города на деревню, отказа от идеализации деревенской жизни [5, s. 74 – 75]. Таким образом, новые исследования убедительно опровергают суждения о том, что идеалом нацистов было возвращение к доиндустриальным формам жизни «ария».

Так случилось и с книгой Г. Али «Гитлеровское народное государство. Грабёж, расовая война и национальный социализм», которая вызвала многочисленные отклики в массовой печати и в научных журналах [3]. Работа основана на солидных архивных материалах, которые не без труда автор получил в различных государственных и частных экономических структурах. Основным предмет его исследования – организация нацистской власти в государственном масштабе грабежа еврейского населения и материальных ресурсов оккупированных стран в «пользу» немецкого народа. Али описывает операции банковских и министерских структур с захваченными денежными средствами и материальными ресурсами с целью укрепления немецкой валюты, стабилизации рынка и «успокоения» населения. Кроме того, он показывает, как за счёт разграбления собственности других народов гитлеровское государство привязывало к своим целям государства-сателлиты, направляя часть награбленных средств в экономику союзных государств. Это происходило за счёт евреев, а во время войны и оккупации – за счёт и других «нежелательных» рас. Большая часть награбленного имущества уходила в сферу потребностей военной промышленности и связанных с ней структур [4, s. 57 – 63]. Но немалая часть имущества и денег перераспределялась в пользу мало – или низкооплачиваемых немецких «фольксгеноссен», а также в пользу вдов и сирот, повышения во время войны пенсий, доплаты рабочим за сверхурочное время и др. социальные льготы [4, s. 66 – 71]. Наряду с грабежом подвластных народов, инструментом такого перераспределения стало налогообложение богатой части населения. Всё это «теоретически» обосновывалось нацистами как проявление «идеи равенства» [4, s. 89].

Историк рисует яркими красками действия оккупантов в Польше, Сербии и в других территориях, где участвовали в грабеже все представители нацистского рейха: от государственных структур по управлению экспроприированным имуществом и служб СС до

простого солдата, регулярно славшего, например, с Восточного фронта 20-килограммовые посылки.

В нацистском режиме Али обнаруживает черты «военного социализма, целью которого было достижение лояльности маленького человека», а также выражением сущности нацистского «народного государства» [4, s. 68]. В книге встречаются сравнения действий нацистов по отношению к еврейской собственности с экспроприацией собственности католической церкви эпохи французской революции, а также с её идеями равенства. Последнее заявление вызывает только недоумение, поскольку вся политика нацистского государства, как тоталитарного, отрицает основополагающие идеи французской революции. Можно только согласиться с оценкой подобных заявлений немецким историком Д. Айххольтцем как «очевидной нелепости» [22, s. 470].

Книга Али содержит большой фактический материал, доказывающий расовый, грабительский характер войны нацистов. Вызывает уважение настойчивость автора в получении доступа к документам, укрываемых от исследователей по каким-либо причинам до сих пор.

Насколько работа Али, делающая вывод о «народном характере государства Гитлера» вписывается в общий контекст немецкой историографии национал-социализма? Задолго до появления работы Али немецкие и другие зарубежные авторы делали выводы: 1) об ускорении процесса экономической и социальной модернизации в Третьем рейхе; 2) об убыстрении разрушения в это время социальных перегородок и создании общества нивелированного среднего класса; 3) о большом значении для этих процессов милитаризации экономики и общества в целом; 4) о предпочтительности привлечения населения на сторону режима активной социально-экономической политикой, пропагандой и только в последнюю очередь – террором по отношению к «фольксгеноссен» [2, с. 63 – 67].

Историк Тамер в своей работе 1986 г. хорошо показал механизм «соблазнения, обольщения» и, одновременно, репрессивного давления нацистского режима на население, но ни Тамер, ни другие авторы, пишущие о социальной политике нацизма не признавали характер нацистского государства «народным».

Считаю, что было бы неправильно отождествлять цели Гитлера и нацистов (и притом – не всех) с целями всего немецкого народа. Не может быть «народным», как считает Али, государство, построенное на терроре, расовой войне и грабеже. В таком режиме была заинтересована только управляющая верхушка общества – фюрер и его окружение, нацистские бонзы, реакционная часть военной и министерской бюрократия, крупного капитала и индустрии. Нацистский Третий рейх представлял из себя не «народный», а антинародный режим. «Народное государство», каким его провозглашал Гитлер, оставалось во многом фантомом, а «народное сообщество» – его гримасой.

Али пишет о том, что немцами в поддержке нацистов двигал меркантильный интерес. Это – не вся правда: менталитет этой нации (по крайней мере, в то время) был значительно шире меркантильности – это и привычка к дисциплине, и солдатская прямолинейность, и пунктуальность, и вера слову, и романтизм, и сентиментальность. Всё это хорошо описано в немец-

кой художественной литературе. Будучи сами немцами, нацистские вожаки были, конечно, представителями своего народа и, во многом, такими же по ментальности. Они использовали униженное положение Германии, затеявшей и проигравшей Первую мировую войну, для того, чтобы такими высокими понятиями как «возрождение Германии», «народ», «патриотизм», «честь», «героизм», «самопожертвование» увлечь народ (особенно, молодёжь), уродуя эти понятия в угоду своим реакционным политическим целям.

Гётц Али, по существу, реанимирует старый тезис о коллективной ответственности всех немцев за нацизм. Как нам представляется, он недооценивает силу террора (особенно морального) по отношению к самим немцам – тенденция, характерная для современной историографии. Да, может быть, по отношению к большей части населения гестапо не было столь устрашающим, как это принято было считать, а большая часть его репрессивной силы направлялась на «чужеродные элементы». Но последние исследования по доносительству «добровольных помощников Гитлера» показывают, что хотя оно не было массовой практикой, но существовало как постоянная угроза везде – в личных отношениях или в общественных местах. Люди должны были постоянно «быть начеку». Всё

время витал реальный страх оказаться за решёткой или за колючей проволокой. При этом во время войны режим ужесточился. Все эти обстоятельства влияли на поведение людей, искажая их отношения и с другими людьми, и с властью.

Поэтому, на наш взгляд, неверно отождествлять гитлеровский, нацистский режим с народной властью, несмотря на то, что большинство немцев были к нему воодушевлённо или лояльно настроены. Что касается грабежа во время войны, в него были втянуты все слои общества – от промышленников, финансистов, нацистской бюрократии, военных – до простых «маленьких людей». Али и другие авторы хорошо описали процесс «подкармливания» населения диктатурой с целью сохранения его лояльности режиму в суровых испытаниях заключительного этапа войны. При этом «расово-мировоззренческая война на уничтожение» – изобретение нацистов, а материальный грабёж – от неписаных законов войны, усиленных её характером. Следовательно, по нашему мнению, нет оснований радикально пересматривать сложившиеся оценки нацистского режима как антинародного, как реакционно-утопического изобретения, насажденного в силу разных обстоятельств в Германии в 1933 – 1945 гг.

Литература

1. Корнева Л. Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития. Кемерово, 2007.
2. Корнева Л. Н., Арапина С. В. Идеология «народного сообщества» как форма и средство консолидации режима в Германии (на примере деятельности Германского трудового фронта) // Вестник Кемеровского государственного университета, 2012. № 4(52). Т. 1.
3. Мадиевский С. Подкармливаемый нацизм, или почему немцы так единодушно поддерживали Гитлера // Новое время, 2006. № 36.
4. Aly G. Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. Frankfurt am Main, 2005.
5. Barbian, J.-P. Überlegungen zur Gültigkeit eines ideologischen Gegensatzpaares in der Lebenswirklichkeit des „Dritten Reiches“ // Moderne und Nationalsozialismus im Rheinland. München, 1997.
6. Buchheim Ch. Die Wirtschaftsentwicklung im Dritten Reich – mehr Desaster als Wunder. Eine Erwiderung auf Werner Abelshausen // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 49. Jg., 2001.
7. Burtleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. Eine Gesamtdarstellung. Frankfurt am Main, 2000.
8. Dingel J. Zur Tätigkeit der Haupttreuhandstelle Ost, Treuhandstelle Posen 1939 bis 1945. Frankfurt a. M., 2003.
9. Führer K. Ch. Anspruch und Realität. Das Scheitern der nationalsozialistischen Wohnungsbaupolitik // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 45 Jg. 1997.
10. Hayes P. B. Die Degussa im Dritten Reich. Von der Zusammenarbeit zur Mittäterschaft. München, 2004.
11. Herbert U. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Bonn u. a., 1985.
12. Herbst L. Nationalsozialistische Wirtschafts- und Beschäftigungspolitik // Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. München. 2002.
13. Historische Zeitschrift. 1998. № 266.
14. Mai U. «Rasse und Raum». Agrarpolitik, Sozial- und Raumplanung im NS-Staat. Paderborn u. a. 2002.
15. Prollius M. Das Wirtschaftssystem der Nationalsozialisten 1933 – 1939. Steuerung durch emergente Organisation und Politische Prozesse. Paderborn u.a. 2003.
16. Rosenkötter B. Treuhandpolitik. Die «Haupttreuhandstelle Ost» und der Raub polnischer Vermögen 1939 – 1945. Essen, 2003.
17. Seidel H. Ch. Der «Russenstreben». Die betriebliche Organisation des Ausländers und Zwangsarbeitereinsatzes im Ruhrbergbau während des Zweiten Weltkrieges // Geschichte und Gesellschaft. 31. Jahrgang / Heft 1, Januar-März, 2005.
18. Spoerer M. Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz. Ausländische Zivilarbeiter. Kriegsgefangene und Häftlinge im Deutschen Reich und im besetzten Europa 1939 – 1945. Stuttgart u.a., 2001.
19. Spoerer M. Demontage eines Mythos Zu der Kontroverse der nationalsozialistische «Wirtschaftswunder» // Geschichte und Gesellschaft, 31. Jahrgang / Heft 3. Juli-September 2005.
20. Spoerer M., Profitierten Unternehmen von KZ-Arbeit? Eine kritische Analyse der Literatur // Historische Zeitschrift. 1999. № 268.
21. Rauh-Kühne C., Hitlers Helfer? Unternehmerprofite und Zwangsarbeiterlöhne // Historische Zeitschrift. 2002. № 271.

22. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2004. № 5.
23. Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte. 1998. 46. Jg.
24. Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte. 1999. 47. Jg.

Информация об авторе:

Корнева Лидия Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, korneva_21@mail.ru.

Lydia N. Korneva – Doctor of History, Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.